Партия с-р цк

Сказка о царе

Аканіе

городиком

2 экз

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦГ7
П279з

2010

Перепечатывайте и распространяйте.

Д. 102.

От Центральнаго Комитета

ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

ЦК

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

П.С-Р. Ц.К.
Сказка о царе Акакіе юродивом.
2экз.

Ц 12157 у

ОДИВОМЪ.

Гл. I. О томъ, какъ царь Акакій правилъ своимъ народомъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ царь Акакій, по прозванію юродивый. Не подъ-стать-бы царю юродивымъ прозываться, да дѣло-то въ томъ, что былъ онъ царемъ надъ глуповцами. Ну, а глуповцамъ и юродивый царь подъ масть подходитъ. Бывало, заведется какой среди глуповцевъ умный человѣкъ и начнетъ имъ говорить:

„Эхъ, вы, глуповцы, глуповцы, настоящіе вы головотяпы, какъ на васъ поглядѣть! И чего вы юродиваго царя надъ собой терпите? Дали-бы ему киселя колѣнкомъ, со всѣми его

2экз

№7-10
0256
Книга взя
Автор
Заглавие
642 Подп
2010

Перепечатывайте и распространяйте.

л. 102.

Отъ Центральнаго Комитета
ПАРТІИ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

ЦК

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

ЦГ7
П 279 з
№
Извеп
Библиотека ИМЭЛ
412157 у
273/36.

Листовка десятая.

СКАЗКА О ЦАРѢ АКАКІѢ ЮРОДИВОМЪ.

Гл. I. О томъ, какъ царь Акакій правилъ своимъ народомъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ царь Акакій, по прозванію юродивый. Не подъ-стать-бы царю юродивымъ прозываться, да дѣло-то въ томъ, что былъ онъ царемъ надъ глуповцами. Ну, а глуповцамъ и юродивый царь подъ масть подходитъ. Бывало, заведется какой среди глуповцевъ умный человѣкъ и начнетъ имъ говорить:

„Эхъ, вы, глуповцы, глуповцы, настоящіе вы головотяпы, какъ на васъ поглядѣть! И чего вы юродиваго царя надъ собой терпите? Дали-бы ему киселя колѣнкомъ, со всѣми его

2 экз

родичами да знатными совѣтниками! А правителей выбрали-бы изъ своихъ-же вѣрныхъ людей...“

А глуповцы и уши заткнутъ, и руками замашутъ на такія рѣчи.

„Што ты, што ты, окстись, человѣче, Христосъ съ тобой. Гдѣ намъ, глуповцамъ, самимъ собой справиться. Ужъ пусть онъ, нашъ блаженненькій, печалится о насъ, а мы его за это собча кормить станемъ“.

Такъ и не хотятъ слушать умниковъ, да еще грозятся имъ. „Не мути, говорятъ, насъ, уходи, пожалуйста; разумъ нашъ слабый, неосмысленный, собьешь съ толку, а мы потомъ расплачивайся за твои смутьянскія рѣчи. Уходи лучше по добру-по здорову, чтобъ худого чего не вышло тебѣ“.

Зло взяло умниковъ, плюнули они со злости и говорятъ: „Ну, погодите же, ребятушки, словъ нашихъ не слушаетесь, такъ на дѣлѣ увидите, что не худому мы васъ учимъ“.

И точно, недолго имъ пришлось ожидать такого времени, когда глуповцы вспомнили ихъ слова. Какъ ни просты были глуповцы, а и они стали примѣчать, что какъ будто не все идетъ ладно на бѣломъ свѣтѣ. Царь да совѣтники, да богатые, да чиновные люди живутъ себѣ припѣваючи, не сѣютъ и не жнутъ, а сыты да обуты всегда бываютъ. Они же, глуповцы, изо всѣхъ силъ на работѣ тянутся, отъ зори до зори либо въ полѣ у себя мыкаются, либо на фабрикахъ да заводахъ по полсутокъ отъ станковъ и машинъ не отходятъ. Работаетъ глуповецъ, какъ волъ какой, а толку изъ своей работы никакого для себя не видитъ. Что сработаетъ, то все царь, помѣщикъ либо фабрикантъ слопаетъ, а мужику

оставитъ самую малость, чтобъ только съ голоду не подохъ. Стали примѣчать глуповцы, что царь-то у нихъ хоть и юродивый, а деньгу шибко любитъ, и всякія неправды творитъ, лишь-бы гдѣ поболѣ деньжищъ раздобыть. Мужика-то ужъ онъ до-чиста обобралъ, такъ что вовсе плохая стала съ него пожива; рабочаго-же фабриканту отдалъ, и тотъ его тоже, какъ липку, обкарналъ.

Сталъ тогда Акакій-царь поглядывать да по сторонамъ вездѣ засматривать — нельзя-ли еще гдѣ укулупнуть жирный кусочекъ. Какъ чуть гдѣ унюхаетъ, такъ и посылаетъ скорѣй своихъ министровъ оторвать тотъ кусокъ и ему, царю-Акакію, на столъ принести. Семья у Акакія была большая: дядьевъ съ тетками, братьевъ родныхъ и сводныхъ, сестеръ и прочихъ, близкихъ и дальнихъ, родственниковъ—тьма тьмущая. И всѣ пить-ѣсть просятъ, да не какъ-нибудь, а чтобъ повкуснѣй да послаще; и всѣ жить хотятъ въ палатахъ да расписныхъ хоромахъ, платья носить парчевыя, шапочки соболиныя, кольца да перстни яхонтовыя да изумрудныя; и чтобы у каждаго слугъ всякихъ было вдоволь. И на всю ту царскую семейку шло деньжищъ пропасть. А на совѣтниковъ, министровъ и чиновниковъ всякихъ, полицейскихъ, жандармовъ да солдатъ еще того больше. Мудрено-ли тутъ, что не стало у глуповцевъ хватать силъ кормить всю эту свору. Стали они кой-гдѣ смекать, что словно и въ самомъ дѣлѣ умники-то говорили имъ правду. Вѣрно, что Акакій грабитъ ихъ ни за что, ни про что; деньги деретъ, а пользы рабочему человѣку никакой отъ него, юродиваго, нѣтъ, ни защиты, ни слова ласковаго. Только и знай, что начальства надъ

нимъ больше ставитъ; а чуть пикнетъ глуповецъ, слово супротивное скажетъ какому помѣщику али ставленнику царскому — пороть его велитъ. И такъ это навадился каждый изъ нихъ мужикомъ помыкать, что вовсе тому житья не стало отъ баръ да чиновниковъ. Стали глуповцы за умъ браться, да кое-гдѣ барамъ да царскимъ насильникамъ отпоръ давать. И что дальше, то больше бунтуютъ: тутъ помѣщика пожгутъ, здѣсь хлѣбъ повывезутъ изъ его полныхъ закромовъ въ свои пустые сусѣки, а тамъ, глядишь, иного охальника и на осину вздернутъ.

А въ городахъ на свой манеръ бунтъ завели: соберутся глуповцы въ праздничный день большой толпой, ходятъ по улицамъ и про царя да начальство непристойныя пѣсни поютъ.

Царь Акакій со царицей
Живутъ весело въ столицѣ.
Эй-эй-эхъ-хе-хе,
Живутъ весело въ столицѣ,
Сладко кушаютъ и пьютъ,
По семи съ насъ шкуръ дерутъ!
Эй-эй-охъ-хе-хе,
По семи съ насъ шкуръ дерутъ.
Перву шкуру царь беретъ
На свой жирный царскій родъ.
(Припѣвъ)
Онъ вторую съ насъ снимаетъ
И министровъ одаряетъ.
Для полиціи—насъ же сѣчь—

Третью онъ сдираетъ съ плечъ.
И четверту снять готовъ
Для господъ да кулаковъ.
Чтобъ жандармамъ заплатить,
Нужно пятую спустить.
А шестую нужно взять,
Чтобъ поповъ всѣхъ содержать.
„Хоть немножко, царь, посбавь,
Намъ послѣднюю оставь“.
„Знать, вы, братцы, очумѣли,
Что вы войско проглядѣли
Кто-жъ васъ будетъ усмирять,
Коль солдатъ мнѣ не держать?“
„Стало—хоть околѣвай,
Шкуру сёмую подай!“
Вотъ какъ, братцы, мы живемъ.
На царя все отдаемъ.
Но за то царь со царицей
Живутъ весело въ столицѣ.
Сладко кушаютъ и пьютъ,
По семи съ насъ шкуръ дерутъ.
Эй-эй-охъ-хе-хе,
По семи съ насъ шкуръ дерутъ.

Всполошились тутъ баре да опричники царскіе, да и самъ Акакій перетрусилъ. Глуповцевъ-то вѣдь сила большая, а ихъ, охальниковъ, всего кучка. Въ порошокъ сотрутъ, какъ въ серьезъ-то подымутся. Задумался Акакій крѣпко, какъ ему глуповцевъ сократить и снова сокъ изъ нихъ выжимать

безо всякой помѣхи. Да на счастье царя, нашелся среди его совѣтниковъ такой. что не испугался глуповскаго бунта.

„Могу, говоритъ, ваше величество, и мужика сократить, и сокъ изъ него выжать, и всѣхъ умниковъ, что глуповцевъ мутятъ, начисто перевести. Только нужна мнѣ для этого власть большая: что хочу, то и стану дѣлать, и никто мнѣ въ этомъ пусть не препятствуетъ".

Обрадовался Акакій, слыша такія слова; согласился на все, только-бы мужика сократить и ему, юродивому, съ родичами сыту да живу остаться.

„Поступай, говоритъ, съ мужикомъ, какъ самъ знаешь — запрету тебѣ отъ меня никакого нѣтъ. А на подмогу тебѣ отдаю свое войско вѣрное. Приказывай ему замѣсто меня самого".

И печать свою царскую выдалъ министру, чтобы тотъ всякій разъ не досаждалъ ему докладами да разными требованіями.

Принялся министръ царскій — а прозывали его Удавомъ — мужика усмирять и крамолу изъ страны выводить, ловить всѣхъ умниковъ-смутьяновъ, что простому народу правду о царѣ сказывали. Призвалъ онъ солдатъ и велѣлъ имъ мужиковъ, въ которыхъ палить, а которыхъ хватать и пороть нещадно; а чтобы хлеще вышло—розги въ водѣ соленой мочить. Не больно по нутру было солдатамъ стрѣлять въ своего-же брата — простого мужика, да что станешь дѣлать? Самъ царь отдалъ ихъ во власть своего министра, и попы ихъ застращиваютъ. Говорятъ: присягалъ служить царю вѣрой и правдой, такъ и дѣлай все, что царь велитъ. Царь

Удава велѣлъ слушаться — слушайся и Удава, будто самого царя. А не станешь слушаться, присягу нарушишь—такъ на томъ свѣтѣ весь вѣкъ у чорта въ деньщикахъ служить будешь.

Что на томъ-то свѣтѣ будетъ, про то бабушка на двое гадала, думаютъ солдаты. А вотъ, что на этомъ свѣтѣ начальство грозитъ разстрѣлять, какъ ослушника царской воли — это точно шутка скверная. Хочешь — не хочешь, а на усмиреніе ступай...

Глуповцы же, какъ увидѣли солдатъ съ ружьями, и ну кричать имъ: „Ишь вы, материны дѣти, отъѣлись на нашемъ хлѣбушкѣ! Забыли, знать, какъ сами за сохой ходили, да щи пустыя хлебали.... Крови нашей напиться пришли, будь вы не ладны.... Жрите, іуды, стрѣляйте, дерите, коли совѣсть-то растеряли всю“...

Жутко солдатамъ слушать эти правдивые укоры, а отказаться ни у кого духу не хватаетъ,

„Кабы всѣ, думаетъ каждый про себя. А то въ одиночку гдѣ-же супротивъ начальства пойдешь“.

И скрѣпили свое сердце солдаты, да прятали свою совѣсть въ карманъ поглубже, чтобы честнымъ людямъ не стыдно было въ глаза глядѣть, и стали въ мужиковъ да рабочихъ стрѣлять, да пороть ихъ по приказу Акакія юродиваго, по слову Удава окаяннаго.

Много тутъ глуповцевъ полегло отъ солдатскихъ пуль, а того больше было перепорото нагайками да розгами изсѣчено.

Однако, не унимались глуповцы. Въ одномъ мѣстѣ усми-

рятъ ихъ, анъ — глядь, въ другомъ подымаются. Вовсе не втерпежъ имъ стало жить на свѣтѣ.

„Все равно, говорятъ, помирать съ голоду придется .... Такъ ужъ здѣсь хоть разомъ покончатъ съ тобой“...

Бунтуютъ, да и только. Даже усмирять ихъ стало трудно. Потому — солдаты, которые посовѣстливѣй, начали опамятоваться; идти на усмиреніе идутъ, а стрѣляютъ поверхъ мужицкихъ головъ. Которые же и вовсе отказываются. „Не басурманы мы, молъ, въ самомъ дѣлѣ какіе.... Чего намъ присягой ротъ-то зажимаете?.... Не хотимъ своего же брата глуповца стрѣлять“.... Видитъ Удавъ, что похвалялся онъ царю напрасно, и началъ придумывать, чѣмъ бы прекратить бунтъ глуповцевъ. И придумалъ.

Гл. II. Изъ-за чего царь Акакій началъ войну съ королемъ Желтоморомъ.

Шли тогда у царя Акакія большіе раздоры съ королемъ Желтоморомъ. Еще въ ту пору, какъ увидѣлъ Акакій, что глуповцы обобраны, почитай, до-чиста, призвалъ онъ своего главнаго казначея-министра и говоритъ ему:

„Розыщи ты мнѣ, гдѣ хочешь, денегъ побольше, а не то прогоню я тебя, и пенсіи не дамъ ни гроша“.

„Слушаю, ваше величество, отвѣчаетъ казначей. Денегъ раздобыть можно, только что вдругъ ихъ никакъ не возьмешь, а надо къ нимъ подобраться тихонькимъ манеромъ, помаленьку, исподволь, зацѣпиться сперва покрѣпче, гдѣ

слѣдуетъ. А тогда онѣ и сами къ намъ въ руки пойдутъ — успѣвай лишь карманы подставлять... И очень даже большія деньги вашему величеству предоставлю, только обождите годиковъ пять-шесть".

Поморщился Акакій, что не сразу ему хотятъ карманъ деньгами набить, да что подѣлаешь? Казначей — шельма хитрая, не въ примѣръ прочимъ глуповцамъ. Коли говоритъ — сейчасъ нельзя, такъ, видно, и въ самомъ дѣлѣ неоткуда выжать; хорошо, хоть черезъ пять лѣтъ обѣщаетъ, а пока можно и тѣмъ обойтись, что мужикъ въ казну несетъ.

„Орудуй, говоритъ, только чтобъ безпремѣнно, братецъ, поскорѣй".

„Слушаю, ваше величество, радъ стараться"...

Взялъ казначей карту всего государства, разложилъ ее передъ собой и началъ пальцемъ по ней водить да умомъ сикать, съ какой стороны денегъ легче раздобыть. Раскидывалъ-раскидывалъ умомъ и нашелъ, наконецъ, что ему нужно было. За много тысячъ верстъ, у самаго края глуповскаго государства, начиналась чужая земля. Земля та была богатая, а народъ въ ней жилъ не больно развязный; и выходило по казначееву разуму, что землю ту оченно даже просто оттягать въ пользу царя Акакія. А за той землей лежала другая, и тоже богатая земля, а народъ въ ней и того слабѣе, чѣмъ въ первой, вовсе беззащитный, почитай. Коли въ первой урвать намъ удастся, разсуждалъ казначей, такъ ужъ въ этой и самъ богъ велѣлъ. Надо только обмозговать это дѣло хорошенько, какъ за него по-

крѣпче ухватиться. Доложилъ онъ царю Акакію о своей выдумкѣ и говоритъ:

„Все это я вашему величеству предоставлю, но сначала нужно мнѣ много денегъ, чтобы земли эти помаленьку въ свои руки забрать“.

„Какъ денегъ! цыркнулъ на него Акакій. Мнѣ самому деньги нужны всегда, а ты изъ моей-же казны требуешь. Бери, гдѣ знаешь... для того-ты и въ казначеяхъ сидишь... а отъ меня не будетъ тебѣ ни ломаннаго гроша. Землю-же мнѣ предоставь, какъ хочешь...“ „Ничего, ваше в-во, не извольте разстраиваться. Мы мужика давнемъ... Можетъ, изъ него что и набѣжитъ еще“, отвѣчаетъ казначей. Смякъ Акакій отъ такихъ рѣчей своего вѣрнаго холопа и отдалъ распоряженіе нажать мужика еще пуще. Нажалъ казначей мужика, наложилъ на него новые налоги да подати, и кой-какъ, при помощи полиціи да чиновниковъ, набралъ съ него подать не малую, и всю ее въ оборотъ пустилъ. Исподволь, всякими обманами да неправдами оттягалъ ближнюю чужую землю, провелъ черезъ всю нее желѣзную дорогу, отъ начала ея и до самаго моря, а на берегу выбралъ мѣстечко поудобнѣй и построилъ крѣпость крѣпкую, пушекъ въ ней наставилъ и корабли изъ глуповской земли пригналъ. По желѣзной-же дорогѣ войска поразставилъ, будто-бы охранять ее отъ разбойниковъ. И казалось, сбывается все у казначея, словно сонъ въ руку. И ближнюю землю, гляди-что, оттянетъ и въ дальнюю руку запуститъ. Да не понравились такія штуки сосѣду тѣхъ земель, королю Желтомору. Люди его королевства давно уже завели торговлю въ обѣихъ тѣхъ земляхъ, и выпускать ихъ

изъ своихъ рукъ никакъ ему невозможно было. Страна была Желтоморія небольшая, со всѣхъ сторонъ океанъ-моремъ окруженная; а народъ въ ней жилъ плодущій, и давненько уже стало ему тѣсно на своей родинѣ. Вотъ онъ и разселялся по чужимъ землямъ, торговалъ да промышлялъ въ нихъ, потому были желтоморы изъ себя хоть и невзрачные, малорослые, а умомъ до всего доходчивые и въ обиду другимъ не давались. Однако-же король Желтоморъ крѣпился, съ царемъ Акакіемъ спервоначалу не ссорился и все только отписывалъ ему, что нужно-де намъ раздѣлиться какъ нибудь полюбовно. Владѣй, молъ, ты, ваше величество, той землей, что къ тебѣ ближе, и зори ее, сколько твоей душенькѣ угодно; а той, что возлѣ моего королевства лежитъ, не касайся, дай попользоваться ею мнѣ да народишку моему. Но не тутъ-то было. У Акакія давно уже глаза и зубы разгорѣлись на чужое добро; да и денегъ народныхъ ухлопалъ онъ пропасть, и жаль ему было, что деньги тѣ пошли не въ его карманъ. Да еще допрежъ того родичи царскіе да совѣтники натакали его на новую выдумку — завести въ чужой дальней землѣ торговое дѣло на собственный капиталъ. „Проценты, говорятъ, будемъ получать достаточный, а безпокойства намъ съ тобой никакого не будетъ. Чиновникамъ дадимъ гдѣ ни на есть народъ пограбить, такъ они намъ все дѣло, почитай, даромъ оборудуютъ въ благодарность за наше снисхожденье“.

Слыша такія рѣчи, Акакій по жадности своей распалился и отпустилъ изъ собственной казны сумму порядочную. Гдѣ ужъ тутъ было отступаться отъ чужихъ земель, да съ королемъ Желтоморомъ дѣлиться? Какъ ни хлопоталъ Желтоморъ,

какъ ни предлагалъ устроиться такъ, чтобы можно было жить миркомъ да ладкомъ — ничего изъ его стараній не выходило. Акакій и слышать не хотѣлъ, чтобы уступить ему что-нибудь изъ захваченнаго имъ. А совѣтники его еще пуще подбиваютъ:

„Не уступай, да не уступай. Войска у насъ много, земля наша большая, не посмѣетъ Желтоморъ итти на нее войной. А и пойдетъ — такъ только мокренько отъ него останется... Потопимъ его, какъ пить дадимъ, и со всѣмъ его поганымъ народишкомъ...“

И такъ это взбодрили Акакія Юродиваго своими рѣчами, что онъ хоть и лядащій былъ царишка, и главою скорбный и тѣломъ слабый, а сталъ ершиться, что твой богатырь. А Удаву-министру это и на руку было. Видитъ онъ, что дѣло не выгорѣло — глуповцы бунтовать не перестаютъ, и умники въ странѣ не переводятся — сталъ и онъ Акакію нашептывать свои рѣчи. „Не уступай, молъ, Желтомору, доведи его до того, чтобъ онъ первый объявилъ тебѣ войну. Глуповцамъ мы наскажемъ, будто чужой король напалъ на насъ, обиды и надругательства всякія чинитъ надъ нами. И что надо намъ его, какъ можно скорѣе проучить, чтобъ не въ свои сани безъ спросу не садился... Глуповцы повѣрятъ всему, что ты имъ ни скажешь. Тогда они и бунтовать перестанутъ, и земли ты чужія заберешь себѣ, и деньги твои не пропадутъ зря“.

Показались Акакію малоумному эти рѣчи любимаго его министра Удава. Видитъ онъ, что заразъ можно трехъ зайцевъ убить: и глуповцевъ усмирить, и земли оттягать, и свои деньги съ лихвой вернуть. Одно только ему было не по душѣ: денегъ

на войну пойдетъ много, а въ казнѣ ихъ не густо — которыя на него съ семьей пошли, которыя чиновники порастаскали, которыя на войско, жандармовъ да поповъ съ барами поистратились. Но и тутъ министры его успокоили.

„Денегъ нѣтъ—передъ деньгами, говорили они. Ихъ и мужикъ намъ достанетъ, и у сосѣдей займемъ, за хорошій процентъ любой одолжитъ. А что солдатъ да народу убудетъ — этого опасаться нечего: бабы, богъ дастъ, народятъ еще столько-же, а то и болѣ...“

„А вѣдь вѣрно сказываете, приказныя строки, соглашался Акакій на угодливыя рѣчи совѣтниковъ своихъ. Денегъ не мужикъ, такъ сосѣди дадутъ. А про солдатъ что толковать? Не зря-же я ихъ крупой казенной кормлю... Пусть-ка теперь послужатъ за нее своему царю-батюшкѣ, положатъ за него свои животишки. Кого на мѣстѣ дѣйствія убьютъ, того попы здѣсь въ своихъ молитвахъ помянутъ; а кто живъ домой вернется, тому крестъ, либо ленточку на грудь повѣсимъ. И ему лестно будетъ, да и намъ не дорого встанетъ...“

Что ни день, то больше похваляется такъ царь Акакій. Вовсе и послѣдняго разума лишился, что еще оставался у него. Послалъ онъ Желтомору грозное письмо. „Ежели ты, де, не уважишь мнѣ, не дашь волею въ чужихъ земляхъ все, чего я захочу — такъ смотри, берегись, какъ-бы не прихлопнулъ я тебя и со всей твоей Желтоморіей“.

Обидно показалось королю Желтомору слышать такія рѣчи царя Акакія. Собралъ онъ совѣтъ изъ выборныхъ народныхъ и спросилъ ихъ, какъ ему быть: смолчать-ли на такую обиду Акакіеву, или показать ему, что зря онъ такъ заносится.

Обсудилъ совѣтъ королевское слово и нашелъ, что стерпѣть той обиды никакъ нельзя; нельзя и земли тѣ отдать Акакію безо всякаго спору, потому что безъ нихъ жить желтоморцамъ вовсе будетъ утѣснительно.

Выслушалъ Желтоморъ рѣчи довѣренныхъ людей, да недолго мѣшкая, и послалъ царю Акакію вызовъ на войну. Кораблямъ-же своимъ отдалъ приказъ напасть немедленно на приморскую крѣпость глуповцевъ. И такъ это онъ быстро все обдѣлалъ, и глазомъ моргнуть не успѣли глуповскіе начальники, какъ ихніе кораблики которые ко дну пошли, а которые вовсе почти негодными къ бою стали.

Всполошился Акакій съ совѣтниками, какъ узнали о томъ. Видятъ — вовсе бросовое дѣло выходитъ, проворонили они корабли свои сразу, — и ну скорѣй замазывать свою ошибку, да правду отъ народа скрывать.

Выпустилъ Акакій манифестъ къ глуповцамъ и написалъ въ немъ какъ разъ все то, что говорилъ ему раньше Удавъ. Напалъ, молъ, на насъ обманомъ дерзкій и хитрый Желтоморскій король, плѣнилъ наши кораблики быстроходные и крѣпости нашей грозитъ; и вы, глуповцы, забудьте обо всѣхъ своихъ обидахъ и неправдахъ, заступитесь за царя вашего, вѣру и отечество, отомстите врагу дерзкому съ лихвою.

Прочли глуповцы царскій призывъ и распались сердцемъ на короля чужеземнаго Желтомора, что онъ потопилъ ихъ корабли быстроходные, да и крѣпость ихнюю грозится забрать подъ свое владычество. Козней да хитрости всей царской въ манифестѣ царскомъ они не разглядѣли да не поняли, при-

няли слова его за чистую правду-истину, повѣрили имъ и стали вытряхивать изъ своихъ кармановъ послѣднія деньжонки, какія у нихъ еще оставались. „У-у, желторотые! кричатъ глуповцы во всю глотку. Мы вамъ зададимъ перцу, покажемъ мы вамъ, какъ кузькину мать зовутъ... Въ дребезги расшибемъ, поганые! Шапками закидаемъ вашу паршивую землишку!.. Въ ложкѣ воды всѣхъ перетопимъ!..“

А полиція царская, знай, себѣ ухмыляется—подуськиваетъ ихъ того пуще кричать, чтобъ Акакію съ министрами угодить.

Орутъ глуповцы такъ, а того не вѣдаютъ, безталанные, какъ провелъ всѣхъ ихъ царь Акакій со своими совѣтниками. И на умъ не приходитъ имъ, какъ опуталъ онъ ихъ лживыми словами, а попы да чиновники да полиція царская ту его ложь всѣмъ за правду выдаютъ. Опуталъ Акакій и солдатъ своихъ безотвѣтныхъ — звалъ ихъ храбро биться будто за вѣру и отечество, а на дѣлѣ за свой бездонный карманъ.

И какъ были глуповцы все еще просты, все еще вѣрили царю Акакію, то и шли они первое время на войну, слова не перечивши....

Такъ-то оплелъ глуповцевъ царь Акакій Юродивый, послави ихъ на войну ради своей корысти; а о томъ, какъ онъ велъ эту войну и какъ разглядѣли послѣ глуповцы царскую ложь безстыдную, разскажу вамъ, братцы, въ другой разъ.

Вы-же подумайте надъ сказкой, вами прочитанной — не похожа-ль она на правду-быль какую, вамъ знакомую?..

Типографія Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ

ИМЭЛ
Ц12157